

18+

ФЁКЛА КРУЖНАЯ

ПОТЕРЯННЫЕ СОБЫТИЯ

Фёкла Кружная

Потерянные события

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26338925

ISBN 9785448572388

Аннотация

Край – один из городов, который до сих пор борется за существование в разрушенном мире. Немногочисленным жителям приходится жить в страхе от сигнала к сигналу, продолжая выполнять свои повседневные обязанности, чтобы хоть как-то выживать. Они не герои, не первопроходцы, не злодеи. Они просто хотят жить, это их будни.

Содержание

Пролог	5
Ювента	8
Случайные люди	13
Продавец таблеток	15
Отрывок	19
Вэнк и Дорт	21
Отрывок	24
Дрезден	26
Правление	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Потерянные события

Фёкла Кружная

*Мир в порядке, если ты слишком далеко
не заглядываешь.*

Грэм Грин «Брайтонский леденец».

© Фёкла Кружная, 2021

ISBN 978-5-4485-7238-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Февраль. 001 год Края.

В подвале синего дома в позе эмбриона обнявшись, лежали две хрупкие фигурки. Женщина была в голубом платье, совсем легком. На вид ей было около 30, но если всмотреться в её золотистые глаза, то можно было поклясться, что ей было не меньше 50 лет до Края. На её лице притаился уже побледневший шрам. Он начинался от носогубной складки и заканчивался на левой стороне шеи. Дороти не любила о нём говорить, с годами ей удалось усовершенствовать навык маскировки нежеланных аспектов внешности. Губы её подрагивали, видимо боролись со стихиями, которые происходили только во сне. Кудряшки торчали в разные стороны, которые выбились из когда-то сделанной прически. Каштановый цвет давно был выведен из них и заменился на чёрный, словно смоль.

В её руках, тихо похныкивая, лежала маленькая девочка. Штанишки на коленке были порваны, а майка была в пятнах от игр на свежем воздухе. С мамой у них общими были лишь родственные связи и крыша над головой. У девочки были рыжие локоны, она выглядела словно ежик со своей короткой прической. У неё была очень бледная кожа, на которой виднелись сине-зелёные разводы. Такое бывает, особен-

но в детстве. Так ей часто говорили, ей приходилось верить. Таких девочек нельзя было не заметить. У неё был сине-зелёная пара глаз, чаще называемая дихотомией. Но зачастую люди делали из этого повод для ненависти, а никак не для гордости и чувства уникальности.

– Мамочка, что происходит?

– Детка, не волнуйся. Люди просто очень шумно радуются, они празднуют. Немного заигрались допоздна, вот и всё.

В соседнем доме раздался звук разбитого стекла. Завыли собаки.

– Но, мама, ты говорила, что так нельзя. Что нужно убирать игрушки и рано ложиться спать, иначе устанешь очень-очень сильно!

– Да, солнышко, так и есть. Но просто взрослые не всегда слушают своих мам, и это очень плохо. Поэтому на следующий день они очень устанут и не смогут ничего делать. Вот теперь ты понимаешь, зачем я рано укладываю тебя спать.

– Да, мамочка...

Маленькая девочка всхлипнула.

– Ну, всё, солнышко. Попытайся уснуть.

– Но тут холодно, мама.

– А ты прижмись ко мне сильнее, мы вместе и согреемся.

Засыпай, кроха.

Крики не стихали всю ночь. Казалось, что солнце уже не появится в этом мире, и день перестал существовать. Пищали сигнализации, разбивались чужие машины, горели но-

вые и старые жилища когда-то знакомых людей.

В ту ночь погибло 37 человек, и это только в Освальде. Именно тогда всё и началось.

Ювента

На сколько я смогу задержать дыхание, находясь в толпе? Дарла любит повторять: «Не занимай свою голову глупостями! Голова будет болеть! А мне потом перед твоим отцом отчитываться! Ну уж нет! Бегом спать!»

Дарла была очень посредственным человеком. Её интересы включали лишь хорошо заправленные постели и строгий регламент, который должен был соблюдаться после сигнала. Она мне не нравилась. С ней нельзя было поболтать о недавнем приступе истерии; случались они всё чаще, или просто посплетничать о том, что мне удалось увидеть на улице. Зато с ее сестрой мне всегда было интересно. Хотя она и была крудом, который совсем недавно прошел программу.

Дарла не надеялась на восстановление памяти у сестры, поэтому не стала даже пытаться ей рассказывать о прошлом. Дарла уговорила моего отца, и теперь её сестра Юлла работала у нас дома. Юлла была совсем молодой девушкой, когда у нее обнаружили симптомы истерии. Семья была не богата, постоянно проходить обследования они не могли позволить. Родным оставалось лишь ждать, когда Юлла дойдёт до ангоры. Когда наступает этап ангоры человека уже не вернуть. Поэтому зная это, Юлла не стала дожидаться своего часа. Она просто вышла из окна. Затем последовало внедрение её в программу. К счастью, семья смогла её выкупить, и им

не пришлось расставаться. Некоторые оказываются не настолько удачливы.

Мой отец смог внести корректировки в программу Юллы и теперь она без частых сбоев выполняла работу по дому. Иногда бывает, что она бьёт тарелки, находясь в каком-то странном молчаливом состоянии, но это малый дефект.

Программу совершенствуют с каждым годом. Темпы периодически замедлялись из-за нападений и потери ученых. В свое время пытались сделать крудами и ученых, но всё чего они смогли добиться это базовые функции, не более. Осталось лишь тело, часто подлатанное после гибели. А внутри ничего. Только провода и органы, которые могут ещё работать. Поэтому ученые оставались людьми, круды привлекались лишь к уборке лабораторий.

Крудов так и не признали полноправными существами. Им давали всю черную работу. Так правительство восполняло человеческий ресурс, таким образом некоторые люди могли продолжить жить с любимыми даже после их смерти.

Самая первая мировая лихорадка истерии случилась ещё до моего рождения, когда моей бабушке было около 4 лет. Бабушка отказывалась мне рассказывать, что тогда произошло. В тот день ее отец не вернулся домой. Его так и не смогли найти, все сочли его жертвой лихорадки.

– Ювента! – я продолжила притворяться спящей, не хочу начинать этот день.

– Ювента! Ты опаздываешь! – кажется, придется вставать.

Дарла так просто не отступиться

– Ювента, вставай уже! Твой отец будет очень расстроен, если ты опоздаешь.

– Да встаю-встаю, Дарла! Незачем кричать на весь дом.

Я погорячилась. Дарла и вовсе не должна быть мне нянькой или воспитателем. Возраст у меня тот, когда я вполне могу заботиться о себе сама. Просто мне действительно не хочется сегодня идти на встречу с отцом.

В комнату прорывался серый свет из окна. Солнечные дни давно в прошлом, но по ним никто не скучает. Как можно скучать по тому, что и вовсе не знал? Лишь тихо, скрывая это как самый страшный секрет ото всех. Чтобы отличить ночь ото дня давался по всему городу специальный сигнал: три коротких и один длинный гудок. После него все должны были запирались у себя дома и не выходить до утренней смены. Это если вам повезло, и вы работаете в первую половину дня. Вы можете себя обезопасить и создать вполне сносную жизнь. Но если после сигнала вы всё ещё на работе, то дай вам силы пережить ещё один кошмар.

Наконец совладав с одеялом, я направилась собираться на встречу. С отцом я могла видаться только два раза в месяц, так говорил устав. Конечно, это было не для всех. Только для родственников ученых, которые не имели права покидать свою лабораторию. Мой отец вполне мог отказаться от этой должности, и устроиться не в закрытый отдел Заведения, мы бы не голодали и ещё бы платили Дарле с Юллой.

Но для отца работа была слишком важна, а то что она лишает времени с семьей и собственного дома его не особо заботило.

Можно было сделать для встречи исключение лишь в трёх случаях: смерть, лихорадка или суицид. Не стоит пугаться последнего, в наше время – это вполне закономерный процесс. Я могла бы привести тысячи фактов из учебников, как наш вид прогрессировал лишь на этом феномене и помог нам пережить лихорадки. Но вся эта информация должна быть упомянута лишь для утоления любопытства, в ином случае лучше это оставить в самых тёмных уголках сознания.

Мне предстояло преодолеть почти весь город по подземным путям среди таких же, как и я. Конечно, был вариант отправиться на летунах, но это ускорило бы семейное воссоединение. Одевшись в специальную форму для этого дня (чёрное платье до колен с длинными рукавами и красная накидка на голову), я окинула взглядом своё отражение. На меня смотрела девушка лет восемнадцати, с русыми волосами и бледной кожей. Я ничем не выделялась среди других жителей, это было скорее плюсом, особенно сегодня.

«Давай, Ювента, ты сможешь. Отцу отвечать только да или нет. Соблюдать дистанцию. Улыбаться. И ты справишься до сигнала. Ничего страшного в этом нет. Он всего лишь твой отец, а это всё предписанные правила, которые просто нужно выполнить»

– Неужели собралась?! Ювента, давай скорее, а то не успеешь вернуться домой до сигнала.

– Дарла, уже иду. Ты самый суетливый человек из всех, которых я знаю.

Дарла передала мне необходимые документы для поездки: пропуск и карточку с деньгами, там оставалось совсем немного. На вагоны многоножек я всё-таки успела, но все места были уже заняты, мне пришлось приютиться у самых дверей, не самый лучший вариант.

Случайные люди

Серый город. Серые дома, серый асфальт, серые огоньки на вывесках, серые люди. Если быть честным, то люди не были совсем серыми. Из-за отсутствия солнечного света их лицами завладел белый цвет. Толпы людей напоминали серые кляксы с белыми пятнами.

Если захочешь посетить этот город, то ты обязательно утонешь в нём, но у всех нас не большой выбор.

Городов не подверженных полнейшему разорению осталось не так много. Если верить слухам, а им остается лишь слепо следовать, то этот город был самый безопасный и пригодный для жизни. Не зря же Заведение остановила на нём свой выбор. Серые кляксы гордились, что именно их город был выбран для заседаний, исследований, и даже иногда опытам с ничего не подозревающими кляксами.

Люди вполне были довольны таким положением дел. А для тех, кто не видел здесь своего места, всегда существовал выход наружу.

Жителям оставалось так мало хранить в памяти, что они не очень-то хотели лишаться этих остатков былого. Они приспособивались, и всё было терпимо.

Кляксы не могли себе представить лучшей жизни. Наверно это их и устраивало. Потому что, если ты не можешь представить, то, как ты можешь создать?

Этот город для меня стал последним. Перед этим я посетил около двух-трёх городов. И всё это было до первой массовой истерии. После нее передвигаться куда-либо было бесполезно. Я открыл магазинчик, в котором продавались разные безделушки, чтобы глаз радовать. Не смотря на столь неуместное мною приобретение, магазинчик приносил прибыль, и мне вполне хватало продержаться от сигнала до сигнала.

Продавец таблеток

Не стоило мне выходить сегодня из дома. Я знал, что это случится. Откуда? Не знаю.

Ведь бывает у человека такое состояние, когда где-то глубоко внутри начинают нервно копошиться подозрения. Почему они появляются, что их провоцирует? Не знаю. Просто они приходят, и ты думаешь: «Я так и знал!». Но что толку? Ты ведь всё равно не послушал.

Мне нужно было идти на работу. Она была очень простая и заключалась в выдаче по талонам лекарств населению, которые содержали новеньких крудов. Ну, то есть тех, которые вот только наложили на себя руки, и Заведение лишь успело их обработать по первой программе. Ещё свежие и незахламленные новой информацией круды. Каждому такому круду требовался пузырек таблеток в месяц, по две каждый день, они позволяли стабилизировать их поведение. Таблетки выдавали бесплатно, якобы, чтобы вселить уверенность, что ребята из Заведения заботились о нас даже после смерти.

Не то чтобы я в это не верил, но за веру мне никто и не платил. Знай, да выдавай их.

«Прошу ваш талончик. Ага, держите пузырёк. Хорошего дня. Следующий!» – и так каждый день. Порой бывает, по 200 человек обслужишь, да и оставшихся выгонять приходится. Ведь скоро сигнал прозвучит. А никому не хоте-

лось бы оставаться на своих рабочих местах в это время, вы уже должны быть дома или хотя бы в многоножках.

Многоножки – это подземные поезда. Но в целях безопасности их переделали, и теперь они напоминали именно этих живых существ, потому что при аварийной ситуации убирались рельсы, и они выпускали, что-то на подобие шасси, мелкие железные иглы. Они начинали передвигаться на них, ну, или наоборот намертво всаживали их в землю, в зависимости от ситуации.

Долгое время мне казалось, что это самый безопасный способ передвижения во время обострения у Они, ведь те ребята за стеклами не смогли бы к нам прорваться, даже если бы Они решили применить силу одновременно! Так мне казалось. Ну, что ж. Я был юн, а Заведение говорило нам, что иначе не может быть, и мне очень хотелось в это верить.

Но, однажды мне случилось быть в многоножке, когда Они прорвались в переходы. Как это произошло, никто не понял. Их было очень много, лица сливалось с другими лицами, их тела образовывали страшную массу, которая визжала и крушила всё на своём пути.

Все окаменели.

По правилам, когда такое случается, пассажиры должны нажать специальную кнопку, чтобы заблокировались двери и наехал бы железный занавес на окна. Это в том случае, если вам не попался более наблюдательный машинист. Только их ловкость и могла спасти, ведь зачастую люди не могли

пошевелиться.

Но нам повезло. Кто-то вышел из транса и в последний момент успел нажать кнопку. Я услышал, как во всех 10 вагонах зажужжали механизмы. Можно было услышать, как в дверях что-то щёлкнуло, и железяки медленно пришли в движение. Пока они опускались, мы могли наблюдать, как Они крушили станцию, и как они в то же время уродовали друг друга. Я никогда не понимал их построений. Они редко двигались по одиночку, но в то же время в стаях они умудрялись калечить друг друга. Может это было из-за того, что мы были внешне похожи, и Они не могли различать где свои, а где чужие. А может им было просто всё равно, что уничтожать. Не знаю.

Так вот. Такие случаи нападения назывались ангорами. Это последняя стадия вируса, редко удавалось диагностировать хотя бы начальные этапы заражения. Порой лишь после ангоры, ты узнаешь, что твой близкий человек готов разрушить всё на своем пути. Когда случается ангор на станциях, а вы застряли в многоножке, то до утра вы уже оттуда не выберетесь. Потому что никто не будет рисковать, чтобы вас вытащить, когда в надёжной клетке вас и так не достанут. Нужно просто немного подождать.

Но никто не рассказывает тебе при тысячном зачитывании инструкции, что всю ночь ты будешь находиться в холодном вагоне с испуганными и голодными людьми, у которых в глазах лишь усталость может найти место и хоть немного

потеснить страх. Ты будешь слушать всю ночь, как Они кричат, ломают, терзают и скребутся в вагон. Если тебе совсем не повезет, вам попадётся существо, которое ещё не утратит голосовые связки. Оно будет вас умолять выйти и помочь ему, и при этом скрежетать всё сильнее и сильнее, в то время как крики других будут сопровождать его речь.

Мне в ту ночь не повезло. Я оказался на том месте, с которым Они решили испытать свои речевые коробки ещё раз. После этого я около месяца не выходил из дома и чуть не был из-за этого уволен. Но за меня похлопотал мой врач, объяснив, что неокрепший организм просто долго справляется со стрессом, и «мальчику нужно дать ещё один шанс».

Не стоило мне выходить сегодня из дома.

Отрывок

Из записей о встрече правления с журналистами в 003 году Края.

– Вы не правы. У крудов память очень чувствительный механизм. Может случаться, что проблески прошлого у них всё-таки возникают, но сама программа их сразу же устраняет, чтобы не беспокоить ни самого круда, ни семью, в которой он живет. После его запуска круд представляет «tabula rasa».

Поэтому нет никаких беспокойств, если бы круд мог взбунтоваться из-за прошлой жизни. В любом случае в большинстве своём их берут семьи, в которых они находились до запуска или иначе говоря до своей смерти. Люди, умершие своей смертью, по естественным причинам не адаптируемы к программе, кто же стал жертвой Они, то тут, и говорить нечего. Их тело просто не собрать воедино. Но те, кто решают уйти из жизни собственноручно представляют настоящий феномен. Именно они и подходят для программы. Наши ученые из Заведения пытаются выяснить, что именно способствуют у этих людей вживлению программы и её дальнейшему функционированию.

Следуя из вышеперечисленного, не говорите глупости. Они – это не испортившиеся круды, это люди, зараженные

вирусом. От которого не мы, не наши коллеги из других городов не могут найти до сих пор средство.

Вэнк и Дорт

Перед ней стояли двое рабочих. Один был моложе другого и был одет в чистую форму, другой же был вымазан грязью, зато улыбался широчайшей улыбкой, в которой отсутствовало пару зубов. Ей не нравилось их присутствие в её кабинете, от них исходил запах копоти, и они явно пришли что-то просить. Её это нервировало. Но по уставу она должна была их выслушать, сказать, что постарается всё выполнить и далее заняться своей работой, совсем о них позабыв. Но для начала нужно, чтобы они всё же начали говорить.

– Господа, вы что-то хотели?

– Да, милейшая. Мы с Дортом. Вот он Дорт, а я Вэнк. Мы бы хотели попросить вас...

Но тут он замялся и никак не возвращался к разговору, а лишь стоял поодаль и продолжал улыбаться.

– Попросить что...?

– Ах да! Извините, милейшая, задумался. Мы хотели бы попросить сокращение смены. Всё-таки на нас двоих всё это тухлое заведение держится! Может за наши заслуги можно как-то это обеспечить?

Я лишь хмыкнула. На них всё держится, вот же глупость. Всё держится на мне, потому что каждый день мне приходится выслушивать вот таких вот лентяев и делать вид, что я очень заинтересована в их проблемах.

– А господин Дорт тоже этого хочет? Почему он молчит?

– Дорт тоже за! Он немой, потому и молчит. Но я говорю всё, что и он хочет.

– Немой от рождения или на производстве случай?

Так, это могло всё усложнить. Во втором случае мне бы пришлось, действительно укорачивать смены, чтобы не поползли слухи. Можно было бы просто по-тихому перевести в другой отдел его. Но у него есть напарник, который явно не захочет умолчать об этом случае.

– Да что вы привязались к его немоте? Он, когда мальчишкой был с Они повстречался, и после этого отказался говорить даже с матерью родной. Я у него за переводчика. Говорю же, мы хотим сокращение смены.

– Зачем вам, господин...

– Вэнк

– Да, господин Вэнк. Зачем вам это? Вы же знаете, по уставу у вас нормированный рабочий день, который мы не можем сокращать. Это ваша работа.

– Да я понимаю, но вот в чём штука. Мы, когда с Вэнком возвращаемся домой, мы возвращаемся на многоножках. А живём мы, ух, как далековато! Поэтому, когда мы добираемся до нашей станции, мы уже не можем выйти, и нам приходится в ней запираяться и ночевать.

– Почему же вы не доходите до дома?

– Так Они же, милейшая! Мы подъезжаем к станции вместе с сигналом, а нам не очень хочется рисковать по темноте.

Нет, вы не сочтите за грубость. Я понимаю, что мы выйдем, как бездельники не преданные своему делу, но поймите, милейшая. Мы же не можем раньше приехать или позже уходить, сразу же после сигнала мы несёмся сюда, и за 30 минут до нового уходим. Если бы хотя бы на час можно было бы сократить, мы бы хоть дома бывали.

– Хорошо, господа. Я понимаю, всё-таки безопасность важнее, я попробую переговорить с начальством, только вы пока не рассказывайте всем, что возможно будет сокращение смены. А то люди обрадуются, сразу же начнут покидать свои рабочие места. А постановление ещё не принято, их всех придётся пустить под вопрос о штрафе.

– Конечно, милейшая! Спасибо вам, милейшая! Вы не представляете, как осчастливили старика и вот этого калеку. Пойдём, Дорт. Нам нужно работать с новой силой, чтобы выполнить нормы. Да что там! Мы её превысим, милейшая, только в благодарность вам.

Парочка вышла за дверь, были слышны возгласы Вэнка: «Вот, а ты говорил, они слушать не станут. Стали! И та милейшая обязательно всё устроит. И мы будем с тобой пораньше уезжать, я хоть, наконец, домой попаду. Уже неделю не был! Ладно, хоть с собой всегда одежду запасную беру! Ох, Дорт! Заживём, наконец!»

Отрывок

Из книги «Они. Дополнение 3-е».

Они не представляются истреблению полностью. Так как человеческий ресурс более не так легко восполним, мы рискуем большим количеством жертв среди солдат и простого населения. Они живут вне границ городов, но их привлекает наличие живых организмов в больших количествах в городах (по невыясненным пока причинам), потому в города Они проникают. Зачастую эти вылазки приобретают постоянный характер, иногда они образуют гнездовые обиталища и остаются в городе. Разорение их обителей не представляется возможным.

Как упоминалось в предыдущих главах, после того как лихорадка полностью овладевает организмом, Они становятся невообразимо сильными, и их сила превышает человеческую в четыре раза. Что примечательно в своих мотивациях они не преследуют мотивацию удовлетворения голода, мы до сих пор не знаем, чем они питаются. Скорее всего, разрушение для них является способом выброса энергии, единственный способ на который они способны. Но этой идее придерживаются ученые-оптимисты, которые считают, что они всё ещё наделены элементарной моделью сознания и бессознательного. И что в результате определенных мер можно вернуть

их к некой форме человеческой жизни, к той же форме существования в виде крудов.

Проведенные исследования на данный момент показали, что элементарные схемы крудов не могут быть вживлены в тело Они. Эксперименты до сих пор продолжаются.

Дрезден

Секретарь, женщина лет тридцати, несла кипу бумаг и папок в кабинет номер 49. Сегодня должно было состояться собрание членов правления, и, хотя до начала оставалось ещё несколько часов, а точнее до начала официальной части, участники давно были на своих местах в комнате без окон и лишь с двумя лампами, которые обеспечивали свет только на словах, а не в реальности.

Секретаря звали Дрезден, по регламенту ей нельзя было заходить в этот кабинет в день собрания. Она могла лишь оставить бумаги доверенному лицу и после не беспокоить правление, и продолжить заниматься своими делами.

Такие собрания позволяли ей пораньше закончить свою работу и быть дома в безопасной дали от сигнала.

Недавно она приобрела круда, который не был связан с ней ни родственными, ни дружескими связями. Это считалось достаточно опасным, заводить круда, который является посторонним. Вроде как близкие к тебе круды во время поломок ещё могут удержаться от нападения на хозяина из-за прошлых эмоциональных связей.

Соседка порой говорила: «Дрезден напросишься ты на неприятности, и права была твоя мама, когда вытаскивала тебя из очередной заварушки, приговаривая, что ты в самом скучном месте найдёшь себе приключений на свою голову».

Дрезден, родители рассказывали, что её бабушка и дедушка познакомились в одноименном городе, а родителям так понравилось звучание этого имени, что они не раздумывая выбрали его для своей дочери.

Она скучала по своей матери, она скучала и по отцу. Но Дрезден утешала себя тем, что её родители не стали жертвами вируса, и она ещё может уговорить их на переезд в Край.

Подойдя к железной двери с цифрами 49, Дрезден неуверенно переступила с одной ноги на другую. Доверенного лица было не видно, как же тогда ей передать эти документы? Если их не передать вовремя, то она может схлопотать от начальства. Дрезден медленно поднесла свой кулачок к двери и тихо постучала. Только сейчас она заметила, что из-за двери не слышно чьих-либо голосов.

«Странно. Может, они ещё не начали?» – но как только Дрезден успела об этом подумать, дверь с явным приложенным усилием открылась, и появился господин Доусон, её начальник.

– Вы принесли бумаги?

Немного опешив, и не успев прийти в себя, Дрезден лишь молча протянула собранные документы. Господин Доусон просмотрел каждый, проверив всё ли на месте. Ему приходилось часто отвлекаться и поправлять очки, которые так и норовили соскользнуть с его носа на пол.

– Хорошо, на сегодня всё. Вы можете идти домой.

Мистер Доусон закрыл дверь. Постояв немного, и пытаясь уловить всё же чьи-то голоса, безуспешно, Дрезден отправилась в свой кабинет, собрала вещи, и отправилась домой.

Правление

– Кто это был?

– Всего лишь секретарь, занесла оставшийся материал.

– Я думал, она должна была его передать доверенному лицу.

– Я его отпустил, нам не нужно, чтобы сегодня крутилось много людей в офисе.

– Поэтому я и предлагал провести это собрание в Заведении! Там кроме наших никого нет! И охрана всегда у ворот!

– Так-то оно так, но вот хотелось бы вам остаться там на ночь? И слушать скрежетание и крики лабораторных крыс? Не думаю.

Собеседник не нашёлся, что ответить господину Доусону. Никому бы не хотелось остаться ночевать в той конторе.

– Я думаю пора приступать. Нам слишком много нужно обсудить сегодня, а также нам всем хочется добраться домой до сигнала.

В кабинете было пять человек. Мистер Доусон был низок ростом, но его громогласный голос не позволял видеть в нём неравного вам. Его хотелось слушать и слышать. Мужчина, который нервно ёрзал на стуле и был собеседником Доусона, звали господин Клаудс. Вскоре ему была назначена пресс-конференция. Его маленькие глаза часто моргали. Дыхание было учащенным, со стрессом он привык справляться с по-

мощью алкоголя, но сейчас это было под строжайшим запретом. Пятна пота на его рубашке становились всё больше, а сам Клаудс казался, что вот-вот исчезнет и растворится в воздухе, так сильно он пытался сделать своё тело меньше, чтобы хоть как-то почувствовать спокойствие.

Две женщины, которые сидели рядом были сестрами, их обеих звали госпожа Млость. Хотя может показаться, что данный факт, способен затруднить беседу, но сестры всегда знали, к кому обращаются или чья очередь отвечать. Их яркие зелёные глаза, казалось бы, всё фиксировали и записывали где-то внутри своих миленьких головок, пряча за длинными светлыми волосами. Их платья никогда не издавали звука при движении, также, как и их обувь. Иногда господин Доусон называл их бесшумными сестричками Млость. Именно они были ответственны за работу в лабораториях.

Господин Васон сидел в углу и редко участвовал в разговорах, он отвечал за чистоту Заведения, за все отделы, что представлялось колоссальной работой. В его обязанности входила не только уборка, но и «зачистка», о которой присутствующие старались умалчивать. Морщины okayмляли его лицо, а тонкие губы постоянно нуждались в увлажнении, иначе трескались каждую неделю и очень долго заживали. Обычно он сидел с закрытыми глазами и лишь шумно вдыхал воздух носом, тем самым напоминая о своём присутствии.

Господин Доусон был ответственен за связь со СМИ

и встречи правления. В своё время он сложил обязанности по контролю и обучению солдат на одну из сестричек Млость, которая с радостью её выполняла. Мистеру Клаудсу был поручен транспортный отдел.

На собрании не хватало ещё двух человек, но они редко появлялись на них. Их задачи были распределены между контролем персонала, связью с соседними городами, и организацией сервиса по ремонту крудов, выдачей необходимого материала.

Все остальные функции для поддержания города были распределены между служащими более мелких должностей, которые менялись довольно часто. Но в годы господства Они, это было закономерным событием.

– Что я должен сказать на конференции?

Вдруг нервно спросил, а точнее выкрикнул господин Клаудс. Напряжение давало о себе знать.

– Мистер Клаудс, думаю, что этот вопрос может подождать, у нас есть другие...

– Нет, погодите-ка! Этот вопрос не может ждать! Вы же знаете, как я нервничаю по этому поводу! Я не умел никогда красиво говорить, это всё этот чертов жребий! И как меня угораздило.

– Мистер Клаудс, да не переживайте вы так! В прошлый раз вы замечательно справились! – отозвалась одна из сестер Млость

– В прошлый раз я был совсем юнцом, и не успел выпить

такое количество выпивки, чтобы избавиться от кошмаров, которых я успел насмотреться.

– Ну хорошо, дабы вас успокоить и перейти к более важным вещам, мой секретарь подготовил для вас речь и дополнительные сведения, которые могут понадобиться для ответов на вопросы журналистов. Прочтёте пару раз и всё будет хорошо. С вами будет одно из доверенных лиц, если что он поможет.

– Наконец-то! К чему было так накручивать меня! Вот сразу бы и дали эти бумажки в руки! Сразу лучше стало! Вот видите!

Пропустив мимо ушей последние слова господина Клаудса, Доусон обратился к сестре Млость:

– Как обстоит вопрос с крудами?

Одна из сестричек сразу же оживилась:

– Замечательно! Просто замечательно! Очень скоро мы сможем усовершенствовать программу памяти, и тогда они смогут воспроизводить события из прошлой жизни! Конечно, примерно за месяц до их смерти программа оставит лишь белый лист, чтобы не мучить ни их самих, ни их родственников. Программирование прошлой памяти не составит труда, мы сможем ее корректировать.

– Почему именно усовершенствование памяти? – спросил господин Доусон.

– Потребитель больше заинтересован в развитии этой функции, им хочется чувствовать, что их близкий человек

действительно жив и помнит их. Даёт им надежду на ещё одну попытку. А если круд является для них незнакомцем, то им нужны просто элементарные функциональные схемы и всё, – в этот раз ответил мистер Васон, который неожиданно решил принять участие в беседе.

– А эмоции?

– Они могут дать сбой, посмотри, как некоторые круды уже сейчас выходят из строя. И они стоят лишь на 5 месте по востребованности, поэтому с этим можно подождать.

– В Заведении до сих пор лишь занимаются их внешним видом и обычными биологическими функциями. Эти якобы ученые не хотят брать планку выше.

– Так намекните им?

– Зачем? Будет лишь больше проблем.

– А как же медицина?

– Ну а что медицина? Тут в основном вопрос травм и вышедших из строя трупов. Изредка люди приходят с гриппом, другие же с быстро ухудшающим зрением и слухом, да и пара старческих болячек. Ничего серьезного, чтобы требовало незамедлительное решение. Хотя пара лаборантов выдвигало идею для создания лекарства, который бы увеличивал или поддерживал иммунитет. Но тут у нас успели перехватить коллеги из соседнего города, поэтому мне пришлось отказать в развитии их проекта. Пусть лучше дальше создают заборы от Они, чтобы мозги ещё работали

– Вы сегодня очень разговорчивы, господин Васон.

– Мне просто хочется закончить пораньше, дочь собралась меня с женихом знакомить. Вот такой вечерок, поверьте, трудно пережить.

– Если так всё замечательно, как вы говорили, то неужто и с Они покончено?

Смутившись, сестричка Млость ответила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.